

УДК 911.3

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СПЕКТР И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Рагулина М.В.

ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы» Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, e-mail: milanara@yandex.ru

Рассмотрены основные тематические приоритеты гуманистической географии как научного направления, ориентированного на исследование спектра вопросов взаимоотношения сознания и географической реальности. Раскрыта специфика применения гуманистически-географических подходов в контексте современных проблем познания природы и общества. Показано, что ключевые концепции гуманистической географии имеют значительный методологический потенциал, не в полной мере востребованный в настоящее время. Постструктуралистские, семиотические, дискурсивные исследования в современной культурной географии, основанные на интерпретативной методологии, подчеркнули ценность значений региона, ландшафта и места, но вызвали фрагментацию интенционального субъекта и «дематериализацию» географии. Постгуманистические и гуманистические методы могут привести к его восстановлению и формированию более глубокого, осознанного понимания среды. Вклад гуманистической географии необходим при формулировке любого интегрального культурно-географического исследования.

Ключевые слова: гуманистическая география, осознанность, пространство, субъект, сознание, «чувство места», пространственно-временные ритмы, постгуманистическая география

HUMANISTIC GEOGRAPHY: THEORETICAL SPECTRUM AND METHODOLOGICAL POSSIBILITIES

Ragulina M.V.

Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, e-mail: milanara@yandex.ru.

We have done the analysis of the main thematic priorities of humanistic geography, based on the study of the spectrum of consciousness and its relationship issues of geographic reality. Geographical application of humanistic approaches in the context of contemporary problems of knowledge of nature and society is shown. The key concepts of humanistic geography have significant methodological potential. Its capabilities were not fully achieved in modern studies of geographical space. Poststructuralist, semiotic, discursive research in contemporary cultural geography, based on interpretive methodology, stressed the value of the significations of the region, the landscape and the place, but they were the cause fragmentation of the holistic subject and the «dematerialization» geography. The methods of humanistic geography may lead to its recovery. Post-humanistic geographical approaches are targeted at the deeper understanding of the human awareness in the construction of the geographical environment. The contribution of humanistic geography is needed in the formulation of any integral cultural geographic research.

Keywords: humanistic geography, awareness, space, subject, consciousness, «sense of place», spatial-temporal rhythms, posthumanistic geography

Гуманистическая география (ГГ) при всей разнородности ее тематики и методов определяется как подход, который стремится поставить человека в центр географии [8]. Расширение идейных горизонтов 1970-х гг., либерализация общества, антивоенные движения и достижение относительного экономического благополучия для большинства населения в развитых странах развернули географическую науку от сциентистских пространственно-аналитических схем к жизненному миру человека. Для ГГ того времени характерны широкий философский базис, разнообразие тем и методов, личностная яркость представителей. Объединяющим фактором было внимание к внутреннему миру человека, восприятию среды и основанной на географических идеях и знаниях деятельности. Для гуманистического подхода характерна триада «восприятие – понимание – поведение» [1]. В 1980–1990-е гг. большинство исследова-

телей фиксируют спад влияния ГГ, поскольку изменилась общественно-политическая ситуация, стерся аромат новизны, а критика со стороны неомарксистов и постструктуралистов казалась убедительной [4].

Проблема личностного сознания в географии не может утратить актуальности в принципе, а ГГ по методологическому багажу и идейному спектру ее исследования не имеет равных. Это первое обстоятельство, обусловившее необходимость анализа темы. Второй момент связан с ходом становления культурной географии в России – параллели с ГГ прослежены в большинстве отечественных гуманитарно-географических работ. При этом отмечается большая степень укорененности российских исследований в структуралистской и постструктуралистской философии и семиотике, которые рассматриваются в качестве современных ответвлений ГГ [3]. По нашему мнению, между современным

географическим постструктурализмом и гуманистической географией различия более глубоки и принципиальны. Наша задача – обозначить основные моменты наследия ГГ феноменологического толка. Поэтому представляет интерес ответ на вопрос, соответствует ли проблематика классической ГГ (под которой мы понимаем субъектно и интересубъектно сфокусированный корпус текстов, созданных в 1970–1980-х гг.), вопросам современного географического бытия культуры. Для этого необходимо кратко рассмотреть основные тематические приоритеты классической ГГ, выделить ее исследовательские принципы, рассмотреть перспективы и сферы приложения гуманистической географической методологии.

Тематические приоритеты и исследовательские принципы

Аналитике ГГ и гуманистического подхода в культурной географии посвящен ряд отечественных работ [1, 4, 2, 5], где рассмотрена ее парадигмальная специфика, контекст появления, критика конкурирующих направлений, поэтому мы остановимся на менее освещенных моментах.

В качестве приоритетных тем на этапе становления ГГ были названы социальное пространство, пространственно-временные ритмы [7], географические знания, место, приватность, жизнеобеспечение, религия [12], чувство места и «безместье» [10].

Идейными источниками ГГ стали феноменология, культурный марксизм, теории структуризации и теория коммуникации, этноистория и этнометодология. Герменевтические методы позволили исследовать интересубъективный характер взаимоотношений человека и природы. ГГ – интегративное течение, ориентированное на творческое проникновение в суть эмоционально-чувственных, этических, эстетических сторон поведения, восприятия и интерпретации среды. Рефлексивность, ценности, сознание, роль контекста – сквозные положения, пронизывающие исследования названных тем. И в то же время ГГ имеет диалогичный характер, одна из сторон которого – диалог с сциентистскими направлениями географии, территориального планирования и социальных наук, вторая – диалог между сознательным и неосознанным географическим опытом. Основные принципы ГГ организованы спецификой данной диалогичности.

1. Дополнительность. Этот принцип строится вокруг идеи привнесения опыта и ценностей в исследование реальных мест. Коренное отличие классической ГГ от постструктуралистских течений «дема-

териализованной географии» – ориентация на соединение «миров сознания» с материальностью ландшафта. Качественные исследования должны были стать дополнением (а не заменой, как настаивают критики ГГ) сциентистских подходов. Согласно И-Фу Туану, место, регион и ландшафт не могут быть лишь пространственными категориями для упорядочивания объектов и событий в мире, скорее они – делящиеся динамичные процессы того, как люди делают Землю своим домом. Регион – не только экономика-функциональная целостность, совокупность жилых районов и даже пространств человеческой деятельности – это также часть идентичности индивидуумов и групп, часть того, как они видят себя в отношениях с другими; воспринимают ближние и далекие места [13]. Метафора «перевода», часто используемая в текстах ГГ, также свидетельствует о посреднической роли дисциплины, ее открытости и готовности к сотрудничеству. А. Баттимер полагает, что взаимосвязанные линии «перевода» опыта личности на язык географии включают три грани: во-первых, понимание пространства как мозаики мест, где отпечатаны намерения, ценности, память (субъективный аспект). Изучение социального пространства с акцентом на фильтрацию опыта через референтные системы и сети взаимодействия в социуме (интерсубъективный аспект), во-вторых. И, в-третьих, пространство, представленное в терминах экологических процессов и функциональности как контекст опыта, является объективной гранью синтеза. При этом, вовлечение гуманистической составляющей в детерминистские исследования могло снять противоречия гуманизма и позитивизма в конкретном исследовании [7].

2. Сложность и упрощение. Прежде всего, ГГ сталкивается с последствиями упрощения сущности человека в позитивизме и сциентизме. «*Homo economicus*», предсказуемый, с простыми и прогнозируемыми потребностями и жизненными целями – не только сциентистская абстракция, но и часть масс-культуры. Анализируя работы сциентистски ориентированных специалистов об обществе, читатель невольно приходит к выводу о том, что «...хотя мир невероятно сложен, человеческие существа и их опыт просты... Затем сциентисты наивно навязывают свои находки реальному миру, забывая, что простота человеческих существ – это предположение, а не открытие. Простое бытие – удобный постулат науки и надуманных пропагандистских фигур. Мы привыкли отклонять или забывать реальную природу нашего опыта в пользу

клише публичной речи» [12]. Сциентисты постулируют простоту человеческих существ для ограниченной цели анализа специфического набора отношений, и для своих целей процедура полностью валидна. «Упрощенный человек» – легко управляемая мишень социальных манипуляций. Выделено три аспекта упрощения сущности человека: люди – когнитивный шум, наделенные лишь экономической мотивацией; люди – морально некомпетентные, не имеющие самосознания существа; люди – продукт идеологии. «Личность распадается на мириады субъективных позиций, аспектов, которые соответствуют «осям» анализа, но собрать эти «личности» во всей полноте в географическом пространстве проблематично [6, с. 267]. Осознающий, рефлексивный человек менее склонен к проекциям и психологическим защитам, он может вывести свои мотивы, страхи и установки на уровень сознания. Связь осознанности пространства с образами «хорошей жизни» относится и к пространственной реализации, и к этике, и к вопросам морального выбора [15]. Миссия ГГ – охватить невероятную сложность жизненного мира личности и его реальных путей в этом мире, донести это знание до науки, управления и планирования: географ «... берет самородки опыта, схваченные искусством, и декомпонует их на более простые темы, которые могут быть систематически упорядочены. Опыт упрощается и четко структурируется, его компоненты (в таком виде – М.Р.) могут быть сциентистски объяснены» [12, с. 274]. Сложность опыта связана с балансом сознательного и бессознательного. Теперь уже сам человек, поглощенный рутинизированным бытием, неосознанно упрощает свою природу: «Слепота в отношении опыта – обычный факт человеческой повседневности. Мы редко внимательны к знанию о том, кто мы есть. Мы внимательны к тому, что мы знаем о чем-либо. Мы осознаем определенный вид реальности, потому что это качество, которое мы можем легко продемонстрировать и высказать. Мы знаем намного больше, чем мы можем сказать, но мы почти поверили, что, все, что мы знаем – мы выговариваем» [12, с. 276]. Человеческий опыт Туан сравнивает с айсбергом, вершины которого кажутся самостоятельными, а в глубине составляют единство. Глубинное единство мира людей определяют общие темы ГГ, интерес к интерпретации человеческого опыта в его двойственности, неопределенности и сложности по отношению к месту жизни человека. Таким образом, географ-гуманист выполняет «циклическую» работу: восстанавливает глубину упрощен-

ного человека масс-культуры и сциентистских подходов, затем симплифицирует свои находки, переводя их на понятный сциентистам язык и передает это знание традиционным сциентистским направлениям социальных и географических наук, практикам и планировщикам. Призыв к большей осознанности связан с полной жизнью: феноменология бросает вызов – каждому индивидууму предстоит осознать собственный опыт, чтобы стать субъектом, а не объектом исследования и затем достичь общего знаменателя с опытом других [7].

Гуманистическая география: закат или возрождение?

Поскольку основными приоритетами ГГ являются многогранные отношения сознания человека и географической реальности, дисциплина обладает непреходящим значением. В ГГ слиты процессы реального и ментального конструирования места: ареал в этом случае – «глина», а опыт символически «лепит» из нее место в шести масштабах: внутри дома, дом, ближнее соседство, поселение, регион, национальное государство [11]. Гуманисты фокусировались на человеке – авторе и интерпретаторе значений. Этот акцент принес семантическую глубину в традиционное понятие ландшафта. Ценность гуманистического подхода – в признании целостности личности, которую побуждают к действию не только экономические потребности, а моральный выбор, эстетические предпочтения, мудрость. Гуманистическая география от пространств опыта перешла к вкладу ландшафта, места и региона в формирование идентичности индивида и группы. ГГ как сильное и широкое интегративное направление объединило разнообразные философские, психологические, историко-литературные подходы: феноменология, экзистенциализм, структурализм, герменевтику, биографику. С развитием ГГ предшествующая сциентистская ориентация на строгое безоценочное описание ареала сменилась стремлением привнести глубину в существующие научные процедуры, используя мудрость, интуицию, воображение. Таким образом, исследовательский потенциал ГГ, основанный на взаимодействии субъективных, интересубъективных и объективных процессов, создает прочную основу теоретизации. Однако из сферы внимания географов выпали социально-экономические и социально-политические, интересубъективные процессы, что сделало ГГ уязвимой для неомарксистской критики.

Постструктуралистские, семиотические, дискурсивные исследования в современной

культурной географии, основанные на интерпретативной методологии, подчеркнули ценность значений региона, ландшафта и места, но вызвали фрагментацию субъекта и «дематериализацию» географии. В постгуманистических направлениях новой культурной географии конструирование субъекта сфокусировано вокруг исключенных меньшинств, субдоминантных культур и «невидимых сообществ» в ландшафте. «В результате самоосознающий централизованный субъект, действующий на основе своих личных намерений, вытеснен и замещен фрагментированным субъектом, или «позицией» субъекта, сформированной социальными силами и конкурирующими дискурсами современности. Глубинное содержание опыта уступило место поверхностным различиям. Наступила победа социального «Я» и проигрыш экзистенциального «Я» [8].

Постмодернизм сконцентрировал исследовательские приоритеты на поиске различий и частностей, что привело к доминированию роли «очага» в противовес «космосу» (универсализму и гуманистической общности), поэтому задача гуманистически ориентированных географов – возродить нарушенное равновесие в рамках мировоззрения, которое признает ценность частного, сохраняя баланс со всеобщим, поскольку частное и уникальное подразумевает универсалистский итог [15]. Постструктуралистские подходы обнаруживают слабости: «бесплотное царство дискурсов» и сигнификаций, как и во времена модерна, разъединяет культуру и природу. Требуется новое рождение феноменологического подхода, который может фокусироваться на материализации практик обживания и бытия – в мире [9]. Гуманистические методы могут привести к восстановлению целостного субъекта и формированию более глубокого, осознанного понимания среды. Вклад гуманистической географии необходим при формулировке любого интегрального культурно-географического исследования.

Список литературы

1. Костинский Г.Д. Установка сознания и представление о различных традициях в географии // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1990. – № 5. – С. 123–128.
2. Митин И.И. Культурная, гуманитарная и гуманистическая география через призму мифогеографии // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып.5. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 87–110.
3. Митин И.И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 1–10.
4. Николаенко Д.В. Гуманитарная география: проблемы и перспективы. [Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1984. – Деп. УкрНИИТИ № 543-Ук-Д84] // Сочинения Д.В. Николаенко. Т. 2. <http://www.hiv-aids-epidemic.com.ua/past-0010.htm>. (дата обращения 7.09.2014)
5. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. Геогр. – 2002. – № 4. – С. 18–28.
6. Adams P. A reconsideration of the personal boundaries in space-time // Annals of the Association of American Geographers. – 1995. – Vol. 85. – № 2. – P. 267–285.
7. Buttner A. Grasping the dynamism of life world // Annals of the Association of American Geographers. – 1976. – Vol. 66. – P. 277–292.
8. Entrikin N. and Tepple J. Humanism and Democratic Place-Making P. 30–41. in: Aitken, S. and Valentine, G. (eds) Approaches to human geography. London: Sage, 2006.
9. Relph T. Place and placelessness. -London: Pion Ltd, 1976.
10. Ingold T. The perception of the environment: essays in livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2000.
11. Tuan Y-Fu Place: an experiential perspective // Geographical Review. – 1975. – Vol. 65. – № 2. – P. 151–165.
12. Tuan Yi-Fu. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. – 1976. – Vol. 66. – № 2. – P. 266–276.
13. Tuan Yi-Fu. A view of geography // Geographical Review. – 1991. – Vol. 81. – P. 99–107.
14. Tuan Yi-Fu. Language and the making of place: a narrative- descriptive approach // Annals of the Association of American Geographers. – 1991. – Vol. 81. – P. 684–696.
15. Tuan Yi-Fu. Cosmos and Hearth: A Cosmopolite's Viewpoint. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

References

1. Kostinskij G.D. Izvetiya AN SSSR. Ser. geogr., 1990, no 5, pp. 123–128.
2. Mitin I.I. Gumanitarnaja geografija: nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah., 2008, no.5, pp. 87–110.
3. Mitin I.I. Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija, 2012, Vol. 1, no 1, pp. 1–10.
4. Nikolaenko D.V. Gumanitarnaja geografija: problemy i perspektivy. [Humanistic geography: problems and perspectives], Available at: <http://www.hiv-aids-epidemic.com.ua/past-0010.htm> (accessed 7 September 2014).
5. Streleckij V.N. Izvestiya RAN. Ser. Geogr, 2002, no. 4. pp. 18–28.
6. Adams P. Annals of the Association of American Geographers, 1995, Vol. 85, no. 2, pp. 267–285.
7. Buttner A. Annals of the Association of American Geographers, 1976, Vol. 66, pp. 277–292.
8. Entrikin, N and Tepple, J. Humanism and Democratic Place-Making pp. 30–41. in: Aitken, S. and Valentine, G. (eds) (2006), Approaches to human geography (London: Sage).
9. Ingold T. The perception of the environment: essays in livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2000.
10. Relph T. Place and placelessness. London: Pion Ltd, 1976.
11. Tuan Y-Fu. Geographical Review, 1975, Vol. 65, no 2, pp. 151–165.
12. Tuan Yi-Fu. Annals of the Association of American Geographers, 1976, Vol. 66. no. 2, pp. 266–276.
13. Tuan Yi-Fu. Geographical Review, 1991, Vol. 81, pp. 99–107.
14. Tuan Yi-Fu. Annals of the Association of American Geographers, 1991, Vol. 81, pp. 684–696.
15. Tuan Yi-Fu. Cosmos and Hearth: A Cosmopolite's Viewpoint. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Рецензенты:

Корытный Л.М., д.г.н., профессор, заместитель директора по науке, ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы» СО РАН, г. Иркутск;

Безруков Л.А., д.г.н., заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы» СО РАН, г. Иркутск.

Работа поступила в редакцию 28.11.2014.